

УДК 930.1

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-610-618

EDN DCRJQG

Оригинальное исследование

Проблема интерпретации образа князя Святослава как сюжетной единицы в тексте «Повести временных лет»

Солнцев Н.И.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: sochin3@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу образа князя Святослава, сложившемуся в отечественной историографической традиции начиная с «Повести временных лет». Используя приемы лингвистического исследования исторического текста, была предпринята попытка показать условия складывания портрета летописного персонажа с точки зрения функций, которые он выполняет в нарративе. Показаны его роль как в общем летописном контексте, так и в сюжете, раскрывающем отношения героя со своей матерью, княгиней Ольгой. Раскрывается роль образа Святослава в этом летописном рассказе. Дан аналитический портрет князя-воителя, его составляющие части, определены задачи протагониста в общем замысле летописца. Результатом проведенного исследования становится вывод, что основная задача Святослава как героя, согласно авторской концепции, заключалась в придании большей образности и значимости фигуре первой русской христианке Ольге, подчеркивании красоты и значимости ее духовного подвига. Это определило весьма далекую от исторической логики роль, отведенную князю-воителю. В «Повести временных лет» князь Святослав представлен не как исторический актер, а как литературный персонаж, выполняющий роль трикстера и играющий в летописном тексте строго отведенную ему автором роль.

Ключевые слова: летописная образность, аналитический портрет, литературный персонаж, авторский замысел, трикстер

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Солнцев Н.И. 2026. Проблема интерпретации образа князя Святослава как сюжетной единицы в тексте «Повести временных лет». *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 610–618. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-610-618. EDN: DCRJQG

Interpretation of the Image of Prince Svyatoslav as a Plot Unit in the Text of the “Russian Primary Chronicle”

Nikolai I. Solntsev

National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: sochin3@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the image of Prince Svyatoslav shaped in the domestic historiographic tradition, starting with the "Russian Primary Chronicle". Using the techniques of linguistic study of the historical text, an attempt was made to show the conditions for the formation of the portrait of the chronicle character from the point of view of the functions that he performs in the narrative. His role is shown both in the general chronicle narrative and in the plot revealing the relationship of the hero with his mother, Princess Olga. The role of the image of Svyatoslav in this chronicle story is revealed. The author provides an analytical portrait of the warrior prince and its constituent parts and determines the tasks of the protagonist in the general concept of the chronicle narrative. The findings allow a conclusion that the main task of Svyatoslav as a hero, according to the author's concept, was to give greater imagery and significance to the figure of Olga,

the first Russian Christian, emphasizing the beauty and significance of her spiritual feat. This determined the role assigned to the warrior prince, which was very far from historical logic. In the "Russian Primary Chronicle" Prince Svyatoslav is presented not as a historical actor, but as a literary character, playing the role of a trickster and playing in the narrative the role strictly assigned to him by the author.

Keywords: chronicle imagery, analytical portrait, literary character, author's intent, trickster

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Solntsev N.I. 2026. Interpretation of the Image of Prince Svyatoslav as a Plot Unit in the Text of the "Russian Primary Chronicle". *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 610–618 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-610-618. EDN: DCRJQG

Введение

На страницах «Повести временных лет» киевский князь Святослав Игоревич удостоился, наверное, самого полного и самого подробного жизнеописания. Описание его быта, диалогов с матерью, княгиней Ольгой, яркой речи перед верными ему воинами, трагическая гибель от рук коварного противника были настолько эмоционально и ярко представлены летописцем, что практически без изменений перекочевывали из одной летописной редакции в другую.

Объект и метод исследования

В XVI веке с угасанием летописной традиции рассказ о подвигах князя Святослава был изъят из общего контекста повествования и превратился в отдельный рассказ о выдающейся личности. С публикацией «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина историографический образ Святослава складывается окончательно. «В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести», – провозглашает Карамзин [Карамзин, 1812, с. 199]. Новый этап развития русской исторической науки открывает «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева [Соловьев, 1851, с. 141–150]. Историк впервые задается вопросами, почему Святослав не наделил никакими правами сына Владимира, каким образом Переяславец мог стать серединой его земли, почему остался зимовать у порогов и не послушал Свенельда, каким образом спастись от половцев последний? Историк пытается размышлять на эти темы, но к убедительному ответу не приходит.

В последней трети XIX века интерес к исторической биографии постепенно снижается, уступая место описанию социально-экономических течений, определивших судьбы страны. На смену яркому историческому портрету, описывающему подвиги героя, приходит анализ его деятельности в масштабе исторических коллизий эпохи. В советской историографии Святослав представлен как великий воин, политик, направивший все свои силы на борьбу с Хазарским каганатом и Византией. Так был создан историографический портрет князя-воителя. Однако когда встал вопрос о публикации биографии Святослава в книжной серии «Жизнь замечательных людей», у автора возникли те же вопросы, что и у М.С. Соловьева [Королев, 2011, с. 5]. Другими словами, если убрать из мотиваций Святослава интересы «княжеско-боярских кругов», обстоятельства, заставившие его совершать те или иные поступки, так или иначе, требуют дополнительного объяснения.

Тем ценнее становятся размышления, выдвинутые историками и филологами, обратившими свое внимание на глубокую фольклорность образа героя. Так, Н.К. Гудзий нашел в образе Святослава следы дружинных песен [Гудзий, 1966, с. 68, 70]. Р.С. Липец сопоставила с образом князя такой элемент древнерусских лирико-эпических песен, как «славы», циклы которых, по мнению автора, легли в основу древнерусской поэтической традиции [Липец, 1977, с. 217–257]. Обширный критический анализ отраженного в летописи нарратива был сделан Е.А. Рыдзевской, которая обратила внимание на сложный синтез скандинавской и славянской фольклорной традиции [Рыдзевская, 1978, с. 160–161]. Однако даже самый широкий анализ места фольклорного элемента в описании летописного портрета

Святослава не отвечает на вопрос, какой смысл вкладывал автор летописи в создаваемый им образ Святослава, какую роль играл князь в общем замысле «Повести временных лет»?

В связи с этим традиционный историко-биографический подход, стремящийся реконструировать «реального» князя Святослава по летописным свидетельствам, обнаруживает свою ограниченность: он не способен объяснить внутренние противоречия образа и оставляет за рамками анализа его сюжетную функцию. Поэтому методологическую основу работы составляет комплекс приёмов, сложившихся в рамках «лингвистического поворота» и нарратологии средневекового текста. Ключевыми элементами предложенной методики выступают: выявление литературных заимствований и бродячих сюжетов, идеологической позиции летописца по отношению к персонажу; архетипические функции персонажа (с опорой на теорию архетипов К.Г. Юнга и понятие трикстера в разработке П. Радина), позволяющая определить роль Святослава в общей структуре летописного повествования.

Результаты и их обсуждение

В тексте князь Киевский биографически связан с действиями своей матери Ольги. Это разделяет летописное описание на две части. В первой части происходит презентация действующего лица, которое выводится летописцем первоначально как второстепенный персонаж, и только во второй части Святослав становится главным героем повествования.

Характерно, что летописный рассказ мог быть легко представлен как единое повествование начиная с детского возраста и кончая смертью на Днепровских порогах. Однако летописец поступает по-другому: он разделяет сюжет, вставляя информацию, наиболее ярко отражающую характер Святослава, в биографию Ольги, тем самым создавая повествовательный конфликт. И.П. Еремин подчеркивает, что подобный прием употребляется летописцем неоднократно, даже тогда, когда речь идет об описании одной личности [Еремин, 1968, с. 49–50], что уж говорить о столкновении столь разных образов матери и сына. Другими словами, на первое место в тексте выходят не мотивации поступков Святослава (исходя из текста, их можно только предполагать), а мотивации летописца, создающего образ князя, исходя из своих творческих замыслов.

Впервые Святослав появляется на страницах Повести временных лет в 6454 (946) году, когда Ольга с сыном «иде на Дерьвьску землю» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 24]. Он дает сигнал к атаке, которая заставила древлян ретироваться и запереться в городе. Герой показан здесь как несомненный второстепенный персонаж, несмотря на заявленный заголовок «Начало княженья Святославля» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 24]. Несмотря на то, что Ольга собирает воинов «съ сыномъ» и чуть позднее «устремися съ сыномъ» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 25], повествование строится от ее действий: «стоя Ольга лѣто», «Рече же имъ Ольга», «и послаша къ Ользѣ съ поклономъ», «и повелѣ Ольга» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 25]. Она же принимает все решения, она же ведет диалоги с противником. Возникает вопрос, зачем в эпизоде присутствует Святослав?

Дело в том, что летописец закончил эпическую и начинает формировать агиографическую часть образа княгини-христианки. Поэтому в этой части летописного рассказа Ольга выведена уже как персонаж, принимающий вынужденные решения: «Рече же имъ Ольга: «яко азъ мстила уже обиду мужа своего ... а уже не хоцю мщати» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 25]. Тема Ольги-мстительницы в летописном тексте завершена [Солнцев, 2018, с. 94–102], далее в повествовании княгиня творит только благие дела. Поэтому летописец и возлагает ответственность за начало кровопролития на ребенка-Святослава. Именно он, а не его мать, дал сигнал к началу боя, для этого в начале текста и помещено объявление о начале его княжения. Таким образом, указанный сюжет говорит о том, что летописец формирует некую литературную концептуальность, реализация которой связана с деяниями молодого князя.

Данное утверждение полностью подтверждается следующим эпизодом летописного текста: «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославльмъ и учашеть и мати креститися и не брежаше того ни во уши прімати» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27]. Этой фразой открывается довольно длинный нравоучительный речитатив, имеющий ярко выраженную суггестивную форму. Летописец выстраивает глубоко назидательное отступление, задача которого – продемонстрировать всю обреченность язычества. Это формирует последовательный просветительский дискурс,

направленный на прямое личностное воздействие на участника коммуникации, читателя или слушателя. «Невѣрным бо вѣра хрестыянска уродство есть» [1 Кор. 1:18], «не смыслиша бо ... во тмѣ ходящии» [Пс. 81:5], «одобльша бо сердца их, ушима тяжко слышати, очима видѣти» [Ис. 6:10], «дѣла нечестивыхъ далече отъ разума» [Притчи 13:20], «понеже звахъ ... прострохъ словеса и не внимаєте» [Притчи 1:24–25] «възненавидѣша бо ... моя обличения» [Притчи 1:29–30], «кажай злыя пріемлетъ собѣ досаждение обличай нечестиваго поречеть собе ... не обличай злыхъ да не възненавидѣе тебе» [Притчи 9:7] [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27].

Автор манипулирует адресатом-собеседником через такую семантическую категорию, как намек-осуждение, прибегая к стандартной форме импликации, личного отрицательного отношения к своему герою. Невежество Святослава для летописца очевидно: «аще кто отца ли матери не послушаетъ, но смерть пріиметъ» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27] [Притчи 20:20]. Последнее еще раз указывает на то, что главный смысл разбираемого сюжета – не решение вопроса принятия им христианства как веры, а обличение в его лице язычества как явления. Святослав пренебрег верой матери, это приведет его к трагическому и нелепому концу, который для летописца вполне закономерен. Это и есть главное смысловое назначение рассматриваемого сюжета. Для того чтобы сделать описание ярче, летописец даже расширяет повествовательность рассказа, вводя в него бродячий литературный сюжет. Ответ Святослава матери «како язъ хочу инъ законъ пріяти единъ? В дружина сему смѣяться начнуть» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27] практически аналогичен ответу короля Хлодвиг на предложение епископа Ремигия [Григорий Турский, 1987, с. 50]. Это еще раз подчеркивает прямой уход летописца от исторической составляющей биографии князя и подмену ее литературно-назидательным нравоведением, открывающим нам взгляд автора на дальнейшую судьбу героя.

Переходя к описанию возмужавшего Святослава, летописец удостаивает его весьма оригинальной характеристикой: «... нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, воины много творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясь варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъякладъ поставъ и сѣдло в головахъ...» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27].

Приведенная характеристика не так проста, как кажется. В.М. Истрин указывает на то, что сравнение с пардусом (гепардом) носило исключительно литературный характер и восходило к описанию Александра Македонского в «Александрии»: «абе устремися Александръ на восток и оттолѣ море перескочи, акы пардусъ дерзостию воюя землю Сурьсу» [Истрин, 1893, Приложения. 152] и в «Хронике» Георгия Амартола: «скочи акы пардусъ съ многою силою на вѣсточныя страны и грады» [Истрин, 1920, Текст. 42]. По мнению А.А. Шахматова, сравнение Святослава с пардусом попадает в «Повесть временных лет» из этих произведений [Шахматов, 2002, с. 103] и было настолько известно, что в Ермолинской летописи под 6472 годом в характеристике князя данный факт упоминается как само собой разумеющееся: «скакаше же яко пардусъ со многою легостию, и многи страны и грады приискываше, к себе пріводя, яко же Александр Макидоньский царь» [ПСРЛ. Т. 23. 1910. л. 10 об. с. 7]. Приходится вновь констатировать, что и в этом сравнении речь идет скорее о литературном образе Святослава, нежели о реальном человеке.

Анализируя облик летописного героя, нельзя не обратить внимание на весьма примечательное дополнение, высказанное А.А. Гиппиусом. Ученый указывает, что эталоном легкой походки в литературной традиции пардус не являлся. Удел гепарда «наскок», «прыжок», что, собственно, и отражено в описании действий царя Александра. Это дало возможность предположить, что выражение «легко ходя» в контексте древнерусского языка следует понимать как «ходить налегке» [Гиппиус, 2008, с. 48–49]. Данное наблюдение позволяет нам прочесть уже приведенную летописную фразу следующим образом: «Собрал много храбрых воинов и ходил налегке. Как пардус, совершая военные действия». Сравнение с пардусом следует отнести не к походке, а к характерным чертам поведения Святослава. О.В. Белова в своем «Славянском бестиарии», ссылаясь на азбуковик Д.В. Пискарева, о пардусе отзывается весьма кратко: «звѣрь лют» [Белова, 2001, с. 202]. Понятие «лют» имеет в древнерусском языке такие коннотации как «сильный», «жестокий», «тяжелый», но в то же

время «безнравственный и постыдный» [Срезневский, 1902, с. 97–98]. Автор «Слова о полку Игореве» определяет половцев, вторгшихся в русские пределы как «пардуже гнѣздо» [Памятники русской литературы. 1934, с. 70]. Следовательно, характеристику, данную летописцем Святославу, можно считать весьма далекой от положительной.

Не лучше характеризует героя и дальнейшее его описание. Как мы помним, Святослав котла с собой не возил, а «конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядыше» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27]. Употребление в пищу конины на Руси IX–XII веков – вопрос довольно сложный. Имеются свидетельства того, что мясо лошади использовалось в кулинарии домонгольской Руси достаточно широко [Монгайт, 1955, с. 223–224, Цалкин, 1971, с. 183–184]. В то же время мнение о том, что употребление конины в древнерусском социуме было табуировано, поддерживают такие ученые, как Н.Н. Воронин [Воронин, 1948, с. 265–266], М.Г. Рабинович [Рабинович, 1975, с. 217, 156–224], Н.Н. Спасская, М.В. Саблин, К.А. Михеев [Спасская, Саблин, Михеев, 2011, с. 53]. Последнее утверждение кажется наиболее убедительным, так как, согласно наблюдениям Й. Харрмана, цена лошади в раннее средневековье была весьма значительна [Харрман, 1986, с. 80–81]. Кроме этого, существовал и религиозный запрет на употребление конины. Устав князя Ярослава (пространная редакция) прямо указывает на недопустимость таких гастрономических изысков: «Аще кто поганое съестъ по своей воле, или кобылину, или медвежину, или иное что отреченное, митрополиту в вине и казни» [Памятники русского права, 1952, с. 270]. Конечно, вслед за А.А. Гиппиусом можно предположить, что речь идет о мясе дикой лошади [Гиппиус, 2008, с. 50], данное предположение сопоставимо с фразой «конину ли, звѣрину ли», но даже в этом случае речь идет о запретной, «поганой» еде.

Не лучше подает летописец и походный быт своего героя: «ни шатра имяше, но подькладъ поставъ и сѣдло в головахъ» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27]. Приведенная характеристика уже в XVIII веке получила весьма едкую оценку М.М. Щербатова: «въ какомъ подражаніи и нынѣ Татары остались» [Щербатов, 1770, с. 225]. Данное замечание наводит на размышления. Святослав, ест «конину или звѣрину, или падаль» [Щербатов, 1770, с. 225], в быту ведет себя как татарин, то есть некрещенный человек. В данном описании речь идет не столько о великом князе, сколько о язычнике как в быту, так и в рефлексиях. Рефлексии же героя весьма любопытны. Согласно летописи, для нападения ему вполне достаточно речитатива: «хочю на вы ити» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27]. Далее описывается поход Святослава на Оку и Волгу, покорение вятичей, и только после этого «Иде Святославъ на Козары» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27]. Казалось бы, описание событий вполне логично, однако еще А.А. Шахматов отметил, что диалог князя с вятичами: «кому дань даете» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27] – более поздняя летописная вставка, задачей которой было объяснение мотивов агрессии Святослава [Шахматов, 2002, с. 96–97]. Таким образом, получается, что после спонтанного «иду на вы» князь, не задумываясь о мотивации, напал на хазар и нанес им поражение.

Каков же итог столь подробного описания личности возмужавшего Святослава? Со слов летописца, он жесток, как лютый зверь, питающийся поганой пищей, живет, как кочевник, для агрессии ему не нужна причина. Характерно, что вокруг него личности такого же культурного формата: «такоже и прочіи вои его вси бяху» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27]. Подобная характеристика Святослава и дружины легко объясняет трогательную встречу рядом с осажденным кочевниками Киевом печенежского хана с посланником Святослава Претичем, за которой последовало открытое предложение дружбы: «буди ми другъ». Проникновенный ответ «тако створю» и «подаста руку межю собою» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 28], после чего состоялся торжественный обмен подарками. Другими словами, язычники встретились и побратались с язычниками и только после деблокировали Киев с запершимися в нем христианкой Ольгой и прочими далекими от духовных постулатов Святослава и его дружины жителями.

Весьма любопытен и следующий эпизод повествования, открывающийся речитативом Святослава: «нелюбо ми есть въ Кіеве быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ въ земли моей, яко ту вся благая сходятся» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 28]. И.Н. Данилевский предлагает весьма убедительный разбор этого летописного эпизода [Данилевский, 2004, с. 161–167]. Исследователь указывает на параллели биографии Святослава и персидского царя Кира,

подчеркивая явные аналогии как в военных целях, так и в религиозных пристрастиях: оба персонажа представлены как язычники, оба персонажа закончат жизнь трагически [Данилевский, 2004, с. 165–166]. И тот и другой герой так и не смогли понять, что «середина въ земли» – это не то место, где «вся благая сходятся», а место спасения, Новый Иерусалим, на роль которого заступает «мать городов русских» Киев [Данилевский, 2004, с. 161–167, Солнцев, 2020, с. 541–551]. Не материальные блага должны доминировать в мотивациях истинного князя, а духовные, реализующиеся в полном совпадении со словами Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле ..., но собирайте себе сокровища на небе» [Матф. 6:19–20].

О том же говорит и гневная отповедь киевлян, данная Святославу: «Ты, княже, чужою земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ ... аще ти не жалъ отчины своя, ни матере стары суца, и дѣтѣи своихъ» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 28]. Создается твердое впечатление, что Святославу в Киеве не место, поэтому, согласно сюжету, он уезжает, чтобы больше в город не вернуться: «посади Ярополка въ Києве, а Ольга въ Деревѣхъ» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 29]. Можно предположить, что по возвращении из Болгарии герой остается зимовать на днепровских порогах, так как в Киеве его не ждут и, скорее всего, не примут.

Следует отметить, что представленное в летописи описание Святослава рисует достаточно странный портрет древнерусского героя. Прежде всего, мы имеем дело с явным литературным персонажем, биография которого представляет собой ярко выраженный писательский бриколаж, опирающийся на щедрый список художественных сюжетов. Как следствие, рассматривать фигуру Святослава следует, исходя исключительно из тех повествовательных функций, которыми его наделил летописец.

В летописной повести образ Святослава практически целиком связан с повествованием о первой христианке, княгине Ольге. Именно от ее персонажа идут отсылки к биографии князя. Они организуют повествование и придают ему известную динамичность. После смерти княгини Святослав покидает Киев для того, чтобы туда больше не вернуться. Последнее говорит о том, что задачи данного действующего лица исчерпаны. Таким образом, следует рассмотреть функцию, выполняемую данным образом в произведении.

Литературный образ первой христианки княгини Ольги подан в «Повести временных лет» как символ предопределенного христианского будущего Руси. Открывая биографию своей героини грязью кровной мести, летописец доводит ее образ до образа «деньница передь солнцемъ ... первое вниде въ царство небесное отъ Руси» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 29]. По сути своей данный образ символизирует саму русскую землю, стремящуюся обрести праведность веры, отказавшись от языческой скверны. Однако любое общество не однородно, рядом с праведниками должны существовать и грешники, символ попустительства божия. Именно в борьбе с ними и возникает литературный конфликт, оживляющий произведение, способствующий деидеализации происходящего. Этот конфликт и создает Святослав, он приносит в повествование элемент хаоса, он нарушает устои и традиции, превращая мир идеальный в мир реальный. Летописный Святослав – это трикстер, вводимый автором в произведение, для того чтобы подчеркнуть вариативность выбора пути развития Руси.

К.Г. Юнг характеризует трикстера как вариант архетипической «тени» человека. «Главный и наиболее пугающий признак которого – его бессознательное», – пишет он [Юнг, 1996, с. 347]. Его действия не подчиняются логике, они спонтанны, он не ищет выгоды, он не отвечает за последствия своих поступков. «У него нет каких-либо ценностей, моральных или социальных, он находится на службе у своих страстей и appetitов», – описывает функции трикстера П. Радин [Радин, 1999, с. 7–8]. Святослав оттеняет праведность Ольги своей порочностью, зримо подчеркивая этим всю красоту духовного подвига сопереживающей и прощающей его первой христианки. В «Повести временных лет» Святослав предстает перед нами в образе второстепенного героя или, по определению М.Н. Тимофеевой, как трикстер-направляющий, самая близкая к поэтике мифа литературная форма [Тимофеева, 2021, с. 83]. Отсюда и его глубокая архетипичность, близость к фольклорным образам, бродячим литературным сюжетам, ко всему тому, что так ярко формирует его летописный портрет.

Заключение

Портрет, созданный летописцем, был изначально далек от исторической логики. Возможно, некоторые черты древнего воителя были действительно близки к описанным, но не это интересовало автора. Авторская задача была иной, личность Святослава должна была продемонстрировать культурный разрыв языческой и нарождающейся христианской Руси. Он жесток и беспринципен, его батальная храбрость слепа и честолюбива. По сути своей Святослав выступает в рассказе как антигерой и протагонист в конфликте с матерью Ольгой. Как антигерой он удостаивается в летописи даже литературного жизнеописания. Однако летописец не развивает облик персонажа, не превращает его в самозначимого героя. Святослав не может противостоять Ольге. Он символизирует прошлое Руси, поэтому не может препятствовать реализации ее будущего. Отсюда и архетип трикстера, в который летописец облакает героя. Он не злодей, он – герой, создающий конфликт, разрушающий рамки, его действия должны были, с одной стороны, привлекать читателя, с другой стороны – внушать ему страх. Именно такой литературный Святослав, а не реальный исторический образ был необходим летописцу для реализации его замысла, демонстрации уходящего прошлого погрязшей в бессмысленном языческом грехе Руси. Князь-воитель предстает перед нами не как исторический актер, но как специально сконструированный литературный персонаж, фольклорный образ, выполняющий в летописном рассказе строго отведенную ему сюжетом роль и действующий согласно этой роли.

Список источников

- Григорий Турский. История франков: [Пер. с латин.]. Григорий Турский; Изд. подготовила и примеч. сост. В.Д. Савукова; Москва, Наука, Кн. II. 1987. 461 с.
- Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X–XII век. Москва, Издательство юридической литературы, 1952. 288 с.
- Памятники русской литературы. Слово о полку Игореве. Москва–Ленинград: ACADEMIA, 1934. 306 с.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. Санкт-Петербург, Типография Эдуарда Праца, 1846. 267 с.
- ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. Санкт-Петербург, Типография М.А. Александрова, 1910. 239 с.

Список литературы

- Белова О.В. 2001. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. Москва, Индрик, 320 с.
- Воронин Н.Н. 1948. История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. Москва–Ленинград, Издательство АН СССР, Т. 1. 484 с.
- Гиппиус А.А. 2008. Как обедал Святослав (Текстологические заметки). *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2(32): 47–54.
- Гудзий Н.К. 1966. История древней русской литературы. Москва, Просвещение, 544 с.
- Данилевский И.Н. 2004. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва, Аспект-пресс, 370 с.
- Еремин И.П. 1968. Лекции по древней русской литературе. Ленинград, Издательство ЛГУ, 208 с.
- Истрин В.М. 1893. Александрия русских хронографов. Москва, Университетская типография, Приложения. 360 с.
- Истрин В.М. 1920. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследования и словарь. Пг.: Российская государственная академическая типография, Т. I. 615 с.
- Карамзин Н.М. 1812. История государства Российского. Санкт-Петербург, Изд. Н. Греча, Т. 1. 492 с.
- Королев А.С. 2011. Святослав. (Жизнь замечательных людей: сер., биогр.: вып. 1284). Москва, Молодая гвардия, 351 с.
- Липец Р.С. 1977. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.). Этническая история и фольклор. Москва, Наука: 217–257.
- Монгайт А.Л. 1955. Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. Старая Рязань. Москва, Изд-во АН СССР, 228 с.
- Рабинович М.Г. 1975. Русское жилище XIII–XVII веков. Древнее жилище народов Восточной Европы. Москва, Наука: 156–224.
- Радин П. 1999. Трикстер. Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. Санкт-Петербург, Евразия, 288 с.
- Рыдзевская Е.А. 1978. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования. Москва, Наука: 159–240.

- Солнцев Н.И. 2018. Летописный рассказ о мести княгини Ольги: попытка семантического анализа. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2: 94–102.
- Солнцев Н.И. 2020. Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет». *Via in tempore. История. Политология*. Том 47. 3: 541–551.
- Соловьев С.М. 1851. История России с древнейших времен. Санкт-Петербург, Общественная польза, Кн. 1. Т. I–V. 881 с.
- Спасская Н.Н., Саблин М.В., Михеев К.А. 2011. Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X в. на Рюриковом городище. *Российская археология*. 4: 52–63.
- Срезневский И.П. 1902. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, Т. 2. 1803 с.
- Тимофеева М.Н. 2021. Эволюция роли трикстера в мировой литературе. *Символ науки*. 5: 82–85.
- Харрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. Пер. с нем. Е.А. Мельниковой. Славяне и скандинавы. Москва, Прогресс: 7–78.
- Цалкин В.И. 1971. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы. Древности Московского Кремля. Москва, Наука: 175–296.
- Шахматов А.А. 2002. История русского летописания. Санкт-Петербург, Наука, Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания в древнейших русских летописных сводах. 485 с.
- Щербатов М.М. 1770. История Российская с древнейших времен. Санкт-Петербург, Императорская академия наук, Т. I. 375 с.
- Юнг К.Г. 1996. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 384 с.

References

- Belova O.V. 2001. Slavjanskij bestiarij. Slovar' nazvanij i simboliki [Slavic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols]. Moscow «Indrik», 320 p.
- Voronin N.N. 1948. Istorija kul'tury Drevnej Rusi. Domongol'skij period. Material'naja kul'tura [History of Ancient Rus' Culture. Pre-Mongol Period. Material Culture]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, T. 1. 484 p.
- Gippius A.A. 2008. Kak obedal Svjatoslav (Tekstologicheskie zametki) [How Svyatoslav Dined (Textual Notes)]. *Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki*. 2(32): 47–54.
- Gudzij N.K. 1966. Istorija drevnej russkoj literatury [History of Ancient Russian Literature]. Moscow, Prosveshhenie, 544 p.
- Danilevskij I.N. 2004. Povest' vremennyh let: germeneticheskie osnovy istochnikovedenija letopisnyh tekstov [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of Source Studies of Chronicle Texts]. Moscow, Aspekt-press, 370 p.
- Eremin I.P. 1968. Lekcii po drevnej russkoj literature [Lectures on Old Russian Literature]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU, 208 p.
- Istrin V.M. 1893. Aleksandrija russkih hronografov [Alexandria of Russian Chronographers]. Moscow, Universitetskaja tipografija, Prilozhenija. 360 p.
- Istrin V.M. 1920. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode. Tekst, issledovanija i slovar' [The Chronicle of George Hamartolos in the Old Slavic-Russian Translation]. Pg.: Rossijskaja gosudarstvennaja akademicheskaja tipografija, T. I. 615 p.
- Karamzin N.M. 1812. Istorija gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. Saint Petersburg, Izd. N. Grecha, T. 1. 492 p.
- Korolev A.S. 2011. Svjatoslav. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: ser., biogr.: vyp. 1284) [Svyatoslav. (The Lives of Remarkable People: Series, Biographical: Issue 1284)]. Moscow, Molodaja gvardija, 351 p.
- Lipce R.S. 1977. Otrazhenie jetnokul'turnyh svjazej Kievskoj Rusi v skazanijah o Svjatoslave Igoreviche (X v.). Jetnicheskaja istorija i fol'klor [Reflection of the Ethnocultural Ties of Kievan Rus' in the Tales of Svyatoslav Igorevich (10th Century)]. Moscow, Nauka, 260 p.
- Mongajst A.L. 1955. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, № 49. Staraja Rjazan' [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 228 p.
- Nechahin I. 1795. Novoe Jadro Rossijskoj istorii [The New Core of Russian History]. Moscow, Tip. A. Reshetnikova, Ch.1. 468 p.
- Rabinovich M.G. 1975. Russkoe zhilishhe XIII–XVII vekov. Drevnee zhilishhe narodov Vostochnoj Evropy [Russian Dwellings of the 13th–17th Centuries. Ancient Dwellings of the Peoples of Eastern Europe]. Moscow, Nauka, 302 p.

- Radin P. 1999. Triksler. Triksler: issledovanie mifov severoamerikanskikh indejcev s komment. K.G. Junga i K.K. Keren'i [Trickster. Trickster: A Study of the Myths of North American Indians with Comments by K.G. Jung and K.K. Kerenyi]. Saint Petersburg, Evrazija, 288 p.
- Rydzevskaia E.A. 1978. K voprosu ob ustnykh predaniiah v sostave drevnejshej russkoj letopisi. Rydzevskaia E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. Materialy i issledovanija [On the Issue of Oral Traditions in the Earliest Russian Chronicle. Ancient Rus' and Scandinavia in the 9th–14th Centuries. Materials and Research]. Moscow, Nauka, 240 p.
- Solncev N.I. 2018. Letopisnyj rasskaz o mesti knjagini Ol'gi: popytka semanticheskogo analiza [The Chronicle Story of Princess Olga's Revenge: An Attempt at Semantic Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 2: 94–102.
- Solncev N.I. 2020. Osobennosti opisanija «svoih» i «chuzhikh» v kosmograficheskom vvedenii «Povesti vremennykh let» [Features of the Description of "Ours" and "Strangers" in the Cosmographic Introduction to the Tale of Bygone Years]. *Via in tempore. Istorija. Politologija*. Tom 47. 3: 541–551.
- Solov'ev S.M. 1851. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from Ancient Times]. Saint Petersburg, «Obshhestvennaja pol'za». Kn. 1. T. I–V. 881 p.
- Spasskaja N.N., Sablin M.V., Miheev K.A. 2011. Rannesrednevekovye loshadi vtoroj poloviny IX – nachala X v. na Rurikovom gorodishche [Early Medieval Horses of the Second Half of the 9th – Early 10th Century at the Rurik Fortress]. *Rossijskaja arheologija*. 4: 52–63.
- Sreznevskij I.P. 1902. Materialy dlja slovarja drevne-russkogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. Saint Petersburg, Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, T. 2. 1803 p.
- Timofeeva M.N. 2021. Jevoljucija roli trikslera v mirovoj literature [The Evolution of the Role of the Trickster in World Literature]. *Simvol nauki*. 5: 82–85.
- Harrman J. 1986. Slavjane i normanny v rannej istorii Baltijskogo regiona. Slavjane i skandinavcy (perevod s nemeckogo) [Slavs and Normans in the Early History of the Baltic Region]. Pod. red. E.A. Mel'nikovoj. Moscow, Progress, 416 p.
- Calkin V.I. 1971. Nekotorye itogi izuchenija kostnykh ostatkov zhivotnykh iz raskopok Moskvy. Drevnosti Moskovskogo Kremlja [Some Results of the Study of Animal Bone Remains from Moscow Excavations. Antiquities of the Moscow Kremlin]. Moscow, Nauka, 296 p.
- Shahmatov A.A. 2002. Istorija russkogo letopisanija [History of Russian Chronicle Writing]. Saint Petersburg, «Nauka», T. 1. Povest' vremennykh let i drevnejshie russkie letopisnye svody. Kn. 1. Razyskanija v drevnejshih russkikh letopisnykh svodakh. 485 p.
- Shherbatov M.M. 1770. Istorija Rossijskaja s drevnejshih vremen [Russian History from Ancient Times]. Saint Petersburg, Imperatorskaja akademija nauk, T. I. 375 p.
- Jung K.G. 1996. Dusha i mif: shest' arhetipov [Soul and Myth: Six Archetypes. Translated from English]. Per. s angl. Kiev, Gosudarstvennaja biblioteka Ukrainy dlja junoshestva, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2026

Поступила после рецензирования 21.04.2026

Принята к публикации 23.04.2026

Received 19.01.2026

Revised 21.04.2026

Accepted 23.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солнцев Николай Игоревич, доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0001-1071](https://orcid.org/0000-0002-0001-1071)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai I. Solntsev, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia